

Публикуемые отрывки из дневников Сергея Леонидовича Рубинштейна относятся к разным периодам его жизни – ее расцвету и последнему предсмертному периоду. Однако, как видно из их содержания, они отражают непрерывный процесс размышления над проблемами человека, его судьбы, творчества, человечности. Все они внутренне связаны с темой книги “Человек и мир”, которую он начал писать в конце пятидесятых годов, а задумал еще в двадцатые годы, пронеся ее идеи, выносив их на протяжении всей жизни.

Дневники и автобиографичны, и одновременно носят характер собственно философского осмысления проблемы человека. Такой их стиль определяется тем, что вначале – не только по соображениям цензуры, но желая написать книгу, доступную не одним лишь ученым-специалистам, но и каждому человеку, задумывающемуся над проблемами бытия, смысла жизни, этики, Сергей Леонидович предполагал написать книгу в свободном и потому автобиографическом ключе. На примере своей жизни – как жизни и судьбы большинства ученых сталинской эпохи – он хотел показать всю сложность проблемы: “как сохранить человечность в бесчеловечном обществе”. Трагический опыт его жизни позволил ему отразить наиболее острые, противоречивые проблемы места человека в этом мире. Но начав писать книгу в дневниковой форме, он – в силу скромности своей – пришел к выводу о невозможности изложения в таком жанре. Более того, слишком большое число проблем, выходящих за пределы творческого подъема. Поэтому он прерывает работу над дневниками и начинает писать развернутый текст книги “Человек и мир”. Как отмечалось в комментариях к ней издателей, рукопись не была окончательно завершена, и в текст книги были включены части дневниковых записей и собственно философские главы.

Данная часть дневников не вошла в текст книги “Человек и мир” и свидетельствует о фактическом – равном почти всей жизни – периоде ее написания, о творческой мысли и личности ученого, его понимании смысла и философии жизни.

А.Н. Славская, канд. психол. наук

ИЗ ДНЕВНИКОВ СЕРГЕЯ ЛЕОНИДОВИЧА РУБИНШТЕЙНА*

О философии и философе
(автобиографический портрет ученого)

И значительность философа и оригинальность заключается (проявляется) в том, что когда его мысль входит в мир, то бытие в своем отношении к ней должно выявить новые, доселе сокровенные, но наиболее для него основные в своей значительности черты...

Философ заставляет звучать струны своего бытия, вызывая резонанс и, таким образом, вызывая и определяя (наиболее) чистые звуки и симфонии бытия. Это творчество философа не значит, что он берет бытие субъективно – только каково оно для него, а не так как оно само есть. Это значит, что, когда он входит в бытие, то бытие полнее (совершеннее) проявляет и само себя ... – то, что оно само есть для самого себя, – для него впервые становится более совершенным и только то, что оно поистине есть для самого себя (находит себя и определяется, что оно само есть).

Так вообще познание не есть отображение или “копия”, повторение бытия, а восприятие и творчество. Познание бытия – что-то новое, которое выявляет сокровенное...

* * *

У одних (философов – А.С.) больше индивидуального, но нет (способности – А.С.) к объективации ..., у других – объективация, научность, но он вытравил в себе проблемы всей жизни, биение большого сердца – биение жизни и потому нет индивидуального. Лишь когда соединится одно и другое – возникает сознание подлинного, великого – оно должно вобрать в себя все переживания, все сокровенное, все порывы большого сердца, поглотить весь заряд его душевной энергии и дать ему совершить объективацию.

* * *

Оригинальность философа. Гильдебрандт пишет о том, что мир, вопреки всем материалистам, не аморфная масса, а бесконечная пластичность

* Публикация подготовлена А.Н. Славской

организации, которая на каждое требование реагирует какой-либо функцией.

Так, философ, я сказал бы, одним своим присутствием в мире, который есть не покой, а находящийся в бесконечном устремлении и в себе довлеющем напряжении, выявил в бытии самое сокровенное и самое основное. И значительность философа заключается в том, что сущее в своем отношении, в своей реакции на него впервые выявляет, но не случайные, и именно типичные свои аспекты. Всякий новый фактор, включающийся в бытие, заставляет бытие определиться в своем отношении к нему... Мир, вопреки всем материалистам, весь мир не сплошная масса, а пластичный организм.

* * *

Любовь есть высшее, не умствовать, а любить и творить дело любви – вот что надо. Да, любовь есть высшее, но любовь есть чувство, всякое чувство есть интенсивность, как бы объятие, в котором мы также сжимаемся. Эта интенсивность есть как бы заряд, который в действии, в жизни разрядится, и он разрядится тем, чем был заряжен, но *что* мы сжимаем в интенсивности нашего чувства и *что* должны в него включить – вот вопрос, на который любовь не дает ответа, хотя и заключает его. Каждый наш шаг и каждый поступок в напряженной атмосфере жизни есть разряд потенцированных сил, каждое действие жизни есть суждение о природе сущего.

Каждый человек, действуя и живя, попутно записывает в книге мира свою исповедь и свою религию.

* * *

Я как будто бы ученый, основное дело которого – научная работа. Но если говорить правду, – я всегда думаю и всегда так чувствую: достойно жить, жить так, чтобы глядя на тебя, рядом с тобой легче и лучше было жить по-настоящему другому – это нечто несравненно лучше и больше, чем писать ученые книги.

Хороша по-настоящему не ученость, и даже не ум, а мудрость, мысль, приложенная к жизни, неустанно работающая над ней, ее пронизывающая и осмысливающая, мысль, которая знает и учит, как верно жить.

Аскетизм прекрасен – так же как любовь и страсть. Но прекрасен аскетизм не умерщвленный и высушенный, а огненной и пламенной души. Аскетизм прекрасен, когда он – страсть.

Аскетизм – это ревность, охраняющая любовь к чему-то бесконечно большому и дорогому от любви маленьких и ничтожных.

Аскетом по-настоящему может быть только тот, кто пламенеет от любви. Аскетизм – целомудрие влюбленных.

* * *

Чем больше груз учености, тем большей должна стать соответственно и сила мысли, чтобы поднять его ввысь.

Ребенок в возрасте вопросов, когда впервые в нем побуждается пытливая мысль, задумывающаяся над явлениями неведомого ей мира, ярче и очевиднее говорит о том, что человек по-настоящему это мыслитель, чем иной ученый.

Но и мудрость прекрасна, только если она не бессильное стариковское размышление извне, со стороны как-будто об остановившейся или мимо идущей жизни. Мудрость прекрасна, только если она страсть и действие, только если сама она жизнь.

* * *

Искательства Вы не увидите во мне никогда.

Гоняться за счастьем, за успехом я не намерен. Пусть счастье, если хочет гонится за мной, за ним я не гонюсь.

Нет! Не нужно только брать счастье мелко как утеху и благополучие преуспевания. Но жизнь должна быть счастьем или, скорее, ликующей радостью, радостью, поскольку она стремление и достижение, поскольку она борьба за великую цель, за правое дело и победа в этой борьбе.

* * *

Готов я к жизни суровой и одинокой. И жизнь такая будет на самом деле не суровой и не одинокой для меня. Живу я не в Дубултах, не в Москве, а во Вселенной – в ее просторах, далях, перспективах всей Вселенной силой и полнотой ее не сокрушимой вечной и величавой жизни. И душе моей просторно и светло.

Всегда бывает как-то особо хорошо в жизни – когда вдруг окажешься неизвестно где – вот как сегодня. Когда ты в Дубултах или Майори, ты всего лишь в Дубултах или Майори, и даже когда ты в Москве, ты тоже только лишь в Москве. Но куда ты неизвестно где – на неведомой тебе тропинке на неведомом берегу – ты где-то во Вселенной – живется и дышится безбрежной жизнью.

* * *

И все же Вселенная без человека пустота! Лишь в единении с человечеством ты человек и жизнь-то ему полезна.

Понять по-настоящему человека и межлюдские отношения, чтобы сделать их совершеннее — это все же самая человеческая и самая прекрасная из всех задач.

Человек должен был бы постоянно помнить, что всей своей жизнью, каждым своим поступком, он чертит образ свой в сердцах людей. Помни он это, он жил бы по-другому.

Но забывать нельзя:

Любовь к абстрактному человечеству поверх и вне живых людей, которые тебя окружают — худший враг подлинно живой человеческой любви к людям, лучший предлог для бессердечия и равнодушия к ним.

Любить человечество надо в людях, с которыми связывает тебя жизнь, и в них надо любить человечество таким, как оно есть, и таким, каким оно будет, таким, как оно становится и каким мы же должны его сделать.

“Бог” — это людьми возвышенный и обоготворенный субъект и вместе с тем — объект для совершенства доведенной такой любви. Всякое злобствование всегда от бессилия, от собственно-ничтожества, ни от чего другого. Злоба у людей — от бессилия, от какой-то внутренней неполноценности и слабости. Чтобы вылечить их, надо, придать им силы, настоящей внутренней силы — возможности делать людям добро. Для того, чтобы быть великим душою, нужно быть сильным. Крепость духа — от нее и мужество и величие души. Когда чувствуешь себя внутри по-настоящему сильным, столько бывает в душе нежности к людям. Чем больше у человека власти, внешней силы, тем губительнее отсутствие у него внутренней силы, силы душевной, духовной, делающей человека великодушным (и притом, именно духовной, душевной, а не просто и не только интеллектуальной).

* * *

Вопрос о способностях человека, поставленный по-настоящему, это не просто вопрос о пригодности человека той или иной профессии, или к любым профессиям. Вопрос о способностях человека неизмеримо шире. Вопрос о способностях человека неизмеримо глубже. Вопрос о том, на что способен человек, это вопрос о самом человеке, его природе, его возможностях, его будущем — вопрос о том, что он есть и чем он может стать. Человек способен не только изготавливать станки и доить коров, человек способен не только овладевать тайнами иной техники и писать ученые книги. Человек — такой, каким он есть и каким он будет, каким он становится — венец и украшение Вселенной. Человек способен жить такой простой и вместе с тем — величавой, такой поистине

прекрасной человеческой жизнью, что светлой и радостной становится вся жизнь вокруг.

“Среди природы этот первозданный покой мне в душу снизошел и мудрость ясная явилась”.

Покой в моей душе — не чувство человека не у дел, ушедшего от жизни и ее трудов, а лишь конец смятению чувств и сохранность всех сил для новых дел, для жизни мужественной и правдивой.

Настало время, пришла пора для мудрости и для труда. Пришла пора для подведения итогов. Пусть это время будет для меня порой не прозябания и не отдохновения, а напряжением всех сил для завершения трудов. Пришла пора собрать все помыслы, все силы воедино и бросить их на завершение и оправдание жизни.

Жить кое-как и как-нибудь я не могу и уходить из этой жизни с чем попало я не хочу.

Для человека — в отношении самого себя реально существует не смерть, а завершение жизни. Суть в том, что после во веки веков ничего уже не исправишь и не наверстаешь: жизнь — ответственность! Жить с таким пониманием жизни и смерти — значит жить в вечности, воспринимать своих друзей в аспекте вечности.

Завершение жизни... После этих двух трактатов, которые я должен завершить — и о мышлении, и об общих проблемах гнесеологии, надо — это главное — надо как можно скорее, чтобы это главное не осталось невыполненным и без спешки, чтобы она была зрелой — написать, непременно написать книгу не ученую, простую, человеческую, для всякого понятную, всем близкую и доступную — книгу моего сердца — о человеке, о жизни, о человеческих отношениях, книгу о человеческом счастье, книгу — это еще несравненно важнее — о больших внутренних движениях.

Настоящий человек это — преобразователь жизни, мыслитель и музыкант — не одно или другое, не прежде всего одно, а затем другое или третье, а все это вместе — одно в другом.

* * *

Настоящий мыслитель по большей части человек одной державной мысли.

* * *

Слушал “Кармен”, наслаждался всеми фибрами души страстной музыкой Бизэ и думал, страстно думал.

Да, пусть живет она, — буйная, своевольная, беспощадная, лишь бы подлинная, настоящая, разящая хотя бы и мое собственное сердце — сильное и щедрое, он и любит не себя, а красоту и очарование жизни. Она одна и та же сила жизни, сила страсти подлинной, ни с чем не сравнимая в любовном чувстве Кармен, и в таком же страстном,

неопровержимом порыве моей мысли. Нет в жизни ничего прекраснее и прекрасно по-настоящему только одно то, что в неудержимом порыве жизнь несет в себе неизгладимую печать этой подлинности.

Передо мной отчетливо встала в последнее время мысль о приближающемся конце. Результат один — жизнь наполнилась большой и прекрасной, затаенной патетикой.

Две есть в жизни прекрасные поры, когда человек больше всего человек — первый взлет ранней молодости и пора завершения с ее скрытой патетикой.

* * *

Формы зла все изменяются, а зло остается, способы калечения людей меняются, а само оно остается. Каждое поколение, борясь против несправедливости своего времени, верит, что следующее поколение будет жить в обетованной земле, а на самом деле на долю каждого следующего поколения падают свои несправедливости — и если они и бывают менее крупными, то зато они оказываются более утонченными. Нужно их выкорчевывать на корню.

Двум настоящим людям, которые были для меня неизменным источником мужества и силы в трудные минуты жизни — Спинозе и Бетховену — хотел бы, если бы посмел, посвятить я эту книгу. Она родилась в трудное время как плод мужества и силы, источником которой был их пример.

* * *

Человек — “эхо и зеркало Вселенной”. Но Вселенная — это не только вещи, не только тела, хотя бы и астрономические, Вселенная — это не только звездное небо надо мной, но и люди вокруг меня: я — эхо и зеркало человечества! В непрерывном взаимодействии с другими людьми, в котором протекает вся моя жизнь, формируется их и мое сознание. Мое сознание — форма их существования, как их сознание — форма моего существования.

Любовь в глубине своих глубин душевных есть потребность совсем фундаментально существовать для других, перейти в другую форму своего существования, почувствовать, как другой человек стал формой нашего существования.

Вот когда опять через все, навязанное мне прихотливым и суетным ходом жизни, прорвался и вышел я снова на родные просторы философской мысли. И это счастье, что этот завершающий, конечный период моей жизни вернул меня снова полностью к горячим, страстным думам моей юности.

* * *

Уходя из жизни, я должен расстаться с миром по-хорошему — я должен что-то хорошее оставить людям на прощание.

Смерть всегда значительна. Это нечто бесповоротное. Тут ничего не изменить, ни поправить. Это что-то окончательное, это совсем всерьез.

Для людей обычно смерть свидетельствует о бренности жизни: мне она говорит прежде всего о ее значительности. С жизнью связаны все возможности человека, все порывы, стремления, достижения. С окончанием жизни все кончается. Когда ее нет — ничего не остается. Жизнь также значительна и бесповоротна как и смерть. Она тоже — она именно совсем всерьез. Раз прожитая — она уж больше не повторится.

* * *

Какая это была картина. В центре покойник — с лицом одутловатым, восковым — таким, как будто его никогда не касалась жизнь. Вокруг — столько безобразной старости — отжившей плоти, созревшей для смерти, для гниения. В ней не увидишь отблеска жизни, духа, чувству, даже горю сквозь эти тучные тела едва пробиться. Среди всей этой мертвечины — эта девушка, девочка, почти ребенок. Какая сила, неподдельность страдания, горя, чувства!

Ее слезы, ее быть может и не долговечное горе вызвали во мне больше жалости, чем угасшая жизнь того, кого она оплакивала. Хотелось подойти, погладить эту опущенную головку, поцеловать маленький кулачок, которым она вытирала льющиеся из глаз слезы. Надо не мертвецов оплакивать, а беречь от горя, охранять, лелеять нежные ростки новой жизни.

* * *

Я хотел бы умереть, благословляя жизнь. Мне 66 лет. Пора бы, пора уже кажется проникнуться сочувствием к старости, проникнуться ее заботами и интересами, а я все еще весь обращен к молодости, и ее горести все еще трогают меня больше, чем старческие немощи. Как непостижимо много неиссякаемых жизненных сил в человеческой, в моей душе!

Трепетное, страстное, неугомонное сердце мое — ты все еще опять и опять зажигаешься, трепещешь и бьешься. Никогда, видно, не знать тебе безразличия, благоразумия, равнодушия, холодного спокойствия. Ты и мертвечина несовместимы — или ты, или она. Пока живешь — ... значит надо гореть, трепетать, мечтать, зажигаться и страдать.

* * *

Долг мой ясен. Промедление невозможно. Нерадивость была бы преступлением. Для завершения жизни – прежде чем закончить и уйти – я еще должен создать три книги. Мой первый труд уже близится к концу. Сегодня я даю обет священный: всю сердца кровь, все пламя жизни, всю силу духа моего отдать для завершения и третьей книги – завершающей, любимой, о правде и добре, об этике, о человеке. В ней смысл и оправдание моей жизни.

За год, который близится к своему концу, я создал книгу, которая быть может в какой-то мере оправдает мою жизнь как человека науки. За этот год я потерял надежду, появившуюся в его начале на то, что в жизнь мою войдет вместо любви способная облегчить мой путь сердечная дружба.

Мужество, но не холодное, стоическое, защищающее себя от жизни, а исполненное силы и порыва, утверждение жизни и великодушия – оно отныне сердцевина моей души. Всему, что есть в жизни мужественного и великодушного, хотел бы я посвятить свой труд. Оно пусть отныне возрастает и ширится в моей душе.

18 апреля 1958 г. Слишком долгая по моим силам после болезни прогулка, медленным шагом в раздумье, во время которой пришла мысль об этой книге.

Вечером – музыка – потрясающий концерт Вана Клиберна.

* * *

О профиле или рельефе настоящего человека. Но не всякий значительный человек при всем своем богатстве имеет определенный профиль и рельеф. Он по преимуществу сосредоточен на чем-то одном, во всяком случае – **немногом**. Но свой профиль он может выявить не через эту сосредоточенность на одном, а через соотношение того, чем он занят, увлечен, на что он завязан, с тем, чем он еще может быть, с тем, к чему его отношение скрыто, не ясно для него самого. Профиль человека проступает через совокупность его отношений к жизни как их ансамбль, как их композиция, как их выраженность, согласованность.

* * *

Свобода и право сомнения, необходимость проверки, индивидуального разума и индивидуальной совести. С другой стороны – вечные истины...

“Наедине с самим собой” – проблема самоусовершенствования – критический анализ того, как на протяжении жизни решалась эта проблема.

С чем человек приходит в этот мир, что он создает в нем и что оставляет, уходя? Ответы на эти вопросы по-существу определяют координаты человеческой жизни. Однако они не охватывают своими определениями того, что претерпевает в этой жизни человек, что он преодолевает и что побеждает. Отсюда – координаты возможностей и реальных деяний человека должны быть помещены в другое измерение – целого мира, в котором человек ищет и находит (или не находит) свое место, в котором он испытывает воздействия и старание, в котором он одно теряет, а другое приобретает взамен. Последнее и составляет содержание и смысл человеческой жизни.

Чем больше развито в человеке творческое начало, тем меньше он принимает то место, в которое его забросила жизнь, тем меньше он принимает как данность самого себя, тем больше он испытывает стремление найти свое место в мире, соизмеримое своей особенностью.

Возможна ли свобода в нашем обществе – обществе абсолютного тоталитаризма, обществе социального принуждения и уничтожения всякого достоинства человека? Эта проблема имеет несколько сторон – первая и, вероятно, самая очевидная и трагическая – это физический террор, физическое уничтожение человека, т.е. внешнее, доведенное до абсолюта, принуждение. Вторая – это несвобода и принуждение, которое идет по линии внутреннего. Это самый сложный аспект несвободы – фактически люди добровольно становятся несвободными, лишают себя свободы индивидуального выбора, ответственности, риска. Это конформизм и добровольное угодничество. Оно само идет навстречу принуждению, придавая ему добровольный характер. Наконец, люди, лицемерно действующие в условиях несвободы. На первый взгляд они и есть те, кто действует угоднически. Но лицемерие это одновременно и ложь, неправда. Действуя в соответствии с требованиями режима, они на самом деле не признают этих требований, т.е. их сознание и действие раздваиваются. А люди казалось бы свободные внутренне, честные, не согласные с внешним принуждением, но в таком случае они должны либо вступить в борьбу с режимом, либо скрывать свою внутреннюю свободу.

* * *

В жизни моей было немало трудностей и спадов. Но в целом она вся шла по восходящей.

Люди, которые достигают своих вершин в более ранние годы, могут затем на протяжении всей своей последующей жизни пользоваться плодами достигнутого: в этом их большое преимущество.

Те, жизнь которых идет по восходящей, так что вершина их достижений на протяжении боль-

шей части жизни еще где-то впереди, перед ними, лишены этого преимущества. Их жизнь менее выигрышна, но в ней есть зато что-то возвышающее, несравненное чувство постоянного восхождения.

* * *

Познание мира как открытие истины, борьба — иногда героическая — за нее (приобщение к миру), с одной стороны, и овладение им на благо человека — с другой, восприятие прекрасного, красоты в природе, создание ее в искусстве, му-

жество в борьбе с природой, преодоление опасностей — все это, не относясь непосредственно к этническому (признаком которого является отношение человека к человеку, к людям) создает, составляет то душевное богатство, питает ту душевную силу человека, которая составляет необходимую предпосылку, основу, внутреннее условие этического отношения человека к человеку. Хорош к другим, добр только богатый и сильный человек, поскольку ему есть, что дать другим — весь вопрос, в чем это душевное богатство и душевная сила.